

Пушкин, «Сцены из рыцарских времен» (1836 г.).

Пушкинский XIX век — в отличие от фаустовского восемнадцатого — одухотворяет алхимическое практическое дело. Не золото, а бескорыстная истина волнует Бертольда. Трансмутация металлов для него — всего лишь любопытная вещичка. *Perpetuum mobile* — значительней, но не потому, что от него больше проку (практическому и земному Мартыну он и вовсе без надобности), а потому, что он — свидетельство безграничия человеческого творчества. Апология чистой науки нового времени. Алхимия перед пушкинским взором предстает чистой духовностью, при которой опыт (и его результат тоже: золото ли, *perpetuum mobile*...) — лишь средство, достигаемое с помощью других средств, во имя конечной цели, то есть истины, блещущей в божественном сиянии почти осуществленной мечты. Мартын — откровенный практик. Он вынесен за скобки собственно алхимии. Он — ее практическое средневековое прошлое, ее историческая память, выветрившаяся в пушкинские времена. Идеализация алхимии по образу и подобию новой науки. В результате алхимии как не бывало. Чтобы быть ею, недостает Мартына, вошедшего в алхимию и вместе с нею дополняющего — и оттеняющего — незамутненную христианско-средневековую духовность. Даже поэт Франц в тех же «Сценах из рыцарских времен» выглядит у Пушкина куда практичней ученого-подвижника Бертольда: Франц — практический организатор восставших. Поэтическая духовность хочет стать практическим делом. Бертольд хочет противоположного. Трансмутация наоборот. Аберрация исторического зрения, оправданная бескорыстно-научным европейским контекстом XIX века.

Вместе с тем главнейший алхимический прафеномен — золото — у Пушкина живет отдельно, утрачивая свой алхимический смысл; утрачивая даже шекспировские свойства всесильного вершителя социальных оборотничеств («Скупой рыцарь», 1830 г.). Вслушаемся в монолог барона, склонившегося над золотом:

...Как некий демон
Отсея править миром я могу;
Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
В великоленные мои сады
Сбегутся нимфы резвою толпою;
И музы дань свою мне принесут...
Мне все послушно, я же — ничему;
Я выше всех желаний; я спокоен;
Я знаю мощь мою; с меня довольно
Сего сознанья...
Я царствую!..

(1974, 3, с. 345—346).

Чистейшая потенция, оборачивающаяся наименее чистой импотенцией (в мыслях Альбера, конечно!): чертоги не воздвигнутся, нимфы не сбегутся, музы не принесут... Ничего не будет. Зато всё как бы есть.